

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношения власти и интеллигенции в 1921–1927 годах и их специфика на Европейском Севере России. Обозначены причины отказа представителей властных структур от военно-принудительных методов воздействия на интеллигенцию и перехода к политике лавирования между «мягкими» и «жесткими» мерами. Представлена эволюция взглядов интеллигенции на советскую власть в условиях новой экономической политики.

1921–1927 годы — сложный и противоречивый период в осмыслении проблемы интеллигенции и ее взаимоотношений с властью.

С одной стороны, переход от войны к миру явился для власти периодом политического триумфа над своим идейным противником, порождая уверенность в правоте избранного политического курса и идеологической доктрины. С другой стороны, это период угасания надежды на стремительное вхождение в царство справедливости как в мировом масштабе, так и в рамках одной страны. Сходили на

нет всплески революционных движений на Западе. Катастрофическим было экономическое положение страны. Страна сотрясалась выступлениями и акциями протеста против невыносимых условий существования, беззастенчивого попрания прав, свобод, личного интереса и инициативы.

Власть, превратившаяся в годы гражданской войны в замкнутую бюрократическую группу, теряла социальную опору в лице основных групп населения. Ситуация усугублялась кризисом в самой власти и партии. Мучительный поиск

эффективных средств и методов возрождения культурно-хозяйственного потенциала страны, действенных механизмов укрепления взаимодействия между властью и обществом сопровождался острыми дискуссиями в самой партии, во власти, в обществе. В связи с болезнью и уходом В. И. Ленина с политической арены усилилась борьба за реальную власть в стране, за лидерство в партии, за роль духовного опекуна нации. Видимое единство партии и власти распалось.

В ситуации глубочайшего социально-политического и экономического кризиса власть была вынуждена искать новые пути достижения в обществе гражданского мира и согласия, укрепления своей ведущей политической позиции; внести коррективы в господствующую идеологическую доктрину. Поиск путей экономического возрождения страны вынудил власть отказаться от мысли о немедленном утверждении «коммунистических» принципов общежития и прибегнуть к использованию рыночных механизмов, инициировать личный и частный интерес, пересмотреть мотивационную политику. В свою очередь, отсутствие должных экономических познаний в вопросах функционирования капиталистических форм хозяйствования вынуждало власть искать пути диалога со «старыми буржуазными специалистами». Знания, опыт, практические навыки образованных слоев были крайне необходимы власти для восстановления культурно-хозяйственного потенциала страны, а в перспективе — для разработки стратегии экономической модернизации. Вместе с тем использование принудительных форм вовлечения в процесс социалистического строительства не содействовало полному раскрытию творческих возможностей интеллигенции. Подневольный труд, как известно, не производителен. В связи с этим власть была поставлена перед необходимостью изменить политику по отношению к интеллигенции, использовать более «мягкие» формы воздействия на нее.

К концу гражданской войны изменились взгляды и самой интеллигенции на советскую власть. В силу специфики интеллектуального труда мировоззренческие установки интеллигенции по-прежнему не отличались единообразием. Однако среди подавляющего большинства ее представителей заметно ослабли настроения радикального толка. Многие осознали бесперспективность продолжения борьбы с большевизмом. Среди значительной части интеллигенции усилилась тяга к сотрудничеству с советской властью. Одни еще на фронтах гражданской войны сделали свой добровольный и осознанный выбор в пользу социалистической доктрины. Они осваивали марксистско-ленинскую идеологию, вливались в ряды партии. Другие, занимая нейтралитет в политике, стремились помочь своей стране и своему народу восстановить экономический и культурный потенциал. Новый этап порождал также надежду на повышение престижа умственного труда, на обеспечение более достойных условий для творчества и существования.

В борьбе мнений и взглядов по вопросам о перспективах развития общества, путях реформирования власти и партии, в борьбе за лидерство видные деятели партии и государства часто апеллировали к общественному мнению, стремились заручиться поддержкой различных социальных групп и слоев, сами инициировали открытые дебаты по многим коренным вопросам жизнедеятельности общества. Постепенно ослабевала политическая цензура, общество получило некоторую возможность на свободное выражение своих мыслей и отстаивание личных взглядов. Открывшиеся возможности порождали среди интеллигенции надежду на постепенное утверждение в обществе подлинно демократических начал и принципов. Эти мотивы также побуждали интеллигенцию к компромиссу с властью. Как отмечает в своих воспоминаниях один из лидеров меньшевиков Н. В. Вольский, интеллигенция надеялась, что «контакт власти с демокра-

тической и социалистической интеллигенцией, работающей в советском хозяйстве, будет в некоторой степени благотворно влиять на психику членов коммунистической власти», способствовать их демократизации, отходу от «постоянного грубого провозглашения диктатуры партии». Интеллигенция стремилась «заразить большевиков своей культурностью»¹.

Идеи сменовеховцев о том, что «нэп станет путем к рациональной и эффективной экономике, перечеркнув все несообразности и наивные иллюзии хозяйственной разрухи «военного коммунизма», что «самоотверженный труд» интеллигенции позволит построить в стране «дом, удобный для всех классов общества», становятся ведущими среди интеллигенции в эти годы. Так, результаты неофициального опроса 230 видных представителей московской интеллигенции, приведенные в исследовании известного интеллигентоведца А. В. Квакина, свидетельствуют, что в 1922 году платформу «Смены Вех» поддерживало 48% опрошенных².

Однако «перерождение» существующего политического режима не вписывалось в программу властвующей партии. Дискуссии о сущности интеллигенции, ее роли и месте в системе советских государственно-политических отношений, имевшие место в 1923–1925 годах, позволяют утверждать, что при всем множестве трактовок существа проблемы допущения определенной свободы интеллигенции в плане профессионального творчества и самовыражения, лидеры партии и государства были едины в мысли, что эти послабления не касаются идейно-политической сферы. Диалог с интеллигенцией допускался лишь на основе признания последними идеологической доктрины большевиков³. В стремлении неуклонно следовать социалистической парадигме, любыми путями сохранить командные высоты в управлении власть предполагала постоянно иметь в арсенале весь комплекс превентивно-охранительных мер, направленных на

ограничение властных полномочий интеллигенции, на отстранение ее от политической деятельности, от сферы воздействия на общественное сознание.

В годы нэпа и власть, и интеллигенция были открыты к диалогу и совместному сотрудничеству на ниве культурного и экономического возрождения страны, преследуя при этом собственные политические цели. Интеллигенция надеялась на трансформацию политического облика власти на подлинно демократических принципах. Власть, лавируя между «мягкой» политикой по отношению к специалистам, занятым в основных отраслях народного хозяйства, и жесткими мерами по отношению к интеллигенции, имеющей пути и средства воздействия на массовое общественное сознание, пыталась стабилизировать социально-политическую и экономическую ситуацию в стране, укрепить тем самым свой престиж в глазах народа и утвердить свое положение.

В зависимости от конкретно-исторической ситуации во всех регионах страны новая экономическая политика имела свою траекторию развития, соответственно в разных вариациях складывались отношения между властью и интеллигенцией.

Переход к новой экономической политике произошел стремительно, в качестве экстренной меры спасения режима. Как справедливо отмечает известный исследователь нэпа С. В. Цакунов, «...спешность перехода не позволила обдумать множество важнейших вопросов, ответы на которые обязательны при начале любых преобразований»⁴. Центр не имел четких и однозначных представлений о сущности нэпа, механизме его осуществления, о минимально допустимом пороге отступлений, не мог предложить конкретной программы действий регионам. Отказавшись от системы централизованного финансирования и провозгласив лозунг «инициативы с мест», центральная власть фактически дистанцировалась от проблем регионов, требующих немедленного их разрешения. В связи с

этим местные органы управления Европейского Севера оказались в чрезвычайно сложном положении, зачастую не знали, как лучше действовать, какие шаги предпринять, чтобы не упустить руля политического руководства и в то же время решить комплекс сложнейших проблем региона. К этому следует добавить, что уровень образования северных управленцев был чрезвычайно низок. Даже среди членов губернских исполнительных комитетов удельный вес лиц, имеющих высшее и среднее образование, не превышал 30%. Северные управленцы, не имеющие должной общеобразовательной подготовки, и тем более не владеющие должными познаниями в области экономической теории, привыкшие четко следовать детально разработанным инструкциям из центра, мобилизовывать общество на реализацию поставленных задач путем прямого принуждения, не понимали ни тактических движений центра, ни того, как реализовывать его призыв к развертыванию местной инициативы. Сложность задач превышала предел их способностей и возможностей.

На Европейском Севере, являвшемся одним из регионов военных действий в 1918–1920 годах, катастрофической была социально-экономическая ситуация. За период с 1914 по 1920 год объем промышленного производства в крае сократился в 7 раз, в 2,5 раза уменьшилась товарность сельского хозяйства. В связи с прекращением централизованной системы снабжения и переводом основной массы предприятий и учреждений на местное финансирование население северных губерний (особенно Мурманской и Архангельской), жившее в зоне рискованного земледелия, оказалось перед угрозой голода. Экспорт леса и рыбы всегда был традиционным источником доходов для жителей этих губерний. Однако в условиях международной изоляции торговля с западными странами сократилась в 10 раз по сравнению с уровнем 1913 года.

Кроме того, в подчинении центральных ведомств были оставлены наиболее

прибыльные и обладающие валютным потенциалом предприятия. Так 82% всей продукции промышленного производства Архангельской губернии в 1922–1923 годах приходилось на лесопромышленный комплекс, но в губернской собственности было оставлено только 5% предприятий данной отрасли. Соответственно основная часть прибыли уходила в центр⁵.

В условиях резкого сокращения финансовых возможностей местные органы власти были вынуждены приступить к свертыванию деятельности объектов социально-культурного назначения. В короткий срок 1921–1923 годов во всех северных губерниях в два раза сократилась сеть школ, были ликвидированы все созданные в 1918–1920 годах высшие учебные заведения. В крае с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, где свирепствовали цинга, холера, сыпной и возвратный тиф, был высок удельный вес больных туберкулезом и венерическими заболеваниями, начали закрываться лечебные учреждения⁶.

С одной стороны, в сокращении многократно увеличившихся в годы военного коммунизма различных ведомств и учреждений было свое рациональное зерно. Был значительно упрощен громоздкий аппарат управления, ликвидированы лишние звенья сложной чиновничье-бюрократической машины. Прекратили свою деятельность учреждения, созданные в угоду политической конъюнктуре и идеологической доктрине, без учета реальных материальных и кадровых возможностей, запросов населения. Однако массовое закрытие предприятий и учреждений обострило социальную ситуацию, поставило многих жителей региона перед проблемой физического выживания. В условиях массовой безработицы в крае процветала преступность. На фоне инфляции, которая на Севере только за январь—август 1922 года составила 1128%, снижался реальный уровень доходов населения. Систематически стали задержки выплаты заработной платы. В то же время на плечи насе-

ления легли многочисленные налоги, возросли различные виды платных услуг. Вследствие сложившихся реалий участились случаи открытого неповиновения властям. Авторитет власти в глазах регионального населения падал. Местные органы управления и партийные организации оказались перед реальной угрозой упустить нити управления, утратить идейно-политический контроль над основными слоями северной общественности⁷.

Политическая ситуация в северных губерниях усугублялась и кризисными явлениями в самой власти и в местных партийных организациях. В частности, на почве непонимания сути происходящего и несогласия с политикой, которая многими воспринималась как возврат к капитализму, среди многих представителей региональной власти царила апатия, разочарование сменой политического курса, участились случаи добровольной отставки и выхода из рядов партии. Наиболее ярко такие настроения проявились среди управленцев Архангельской и Мурманской губерний. Политика отступления «всерьез и надолго» была воспринята ими особенно болезненно, так как усиливала ощущение бессмысленности и бесплодности двухлетней кровопролитной гражданской войны. Так в Архангельской губернии в 1924 году процент добровольного отказа от членства в партии достигал 10% от ее общего состава. С другой стороны, значительная часть коммунистов и чиновников, особенно те, кто пополнил ряды партии в период ее политического триумфа, — а таких в партийных организациях Европейского Севера в 1921 году было 96% — быстро осознали выгоду и преимущества своего положения, вошли во вкус личной наживы и обогащения. Наметились признаки идейно-политического перерождения коммунистов и региональных чиновников⁸.

В первые годы нэпа социально-экономическая и политическая ситуация в регионе была очень тяжелой вследствие того, что партийно-государственным

деятелям не хватало знаний, опыта, квалификации, умений, компетентности, профессионализма, чтобы стабилизировать ее. Представитель губсовнархоза на съезде советов Северо-Двинской губернии в декабре 1922 года признавался: «...надо было перестраивать все хозяйство на коммерческий расчет, а этого мы долго не понимали»⁹. Соответственно потребность в интеллекте была чрезвычайно высока. В этих условиях региональная власть как никогда была заинтересована в привлечении к сотрудничеству и максимально эффективному использованию интеллигенции с досоветским стажем работы.

В резолюциях съездов советов всех северных губерний, состоявшихся сразу после перехода к нэпу, предписывалось принять все меры к тому, чтобы «...удержать на рабочих местах наиболее квалифицированных и ценных работников». Следует признать, что при чрезвычайной сложности экономического положения в 1921–1923 годах местным органам власти удалось сберечь наиболее квалифицированную и крайне необходимую для региона часть северной интеллигенции. Кампания сокращений в основном коснулась чиновников, педагогов начальных школ и работников культурно-просветительской сферы, имевших, как правило, невысокий уровень образования¹⁰.

В русле директив, поступающих из центра, местные органы управления переходят к более мягкой политике по отношению к интеллигенции, пытаются льготами и частичными свободами создать более привлекательный образ власти и побудить ее к культуротворческой деятельности не за страх, а по совести. В частности, был ослаблен политический прессинг, пошли на убыль репрессивно-карательные меры. По амнистии в честь 5-летия Октября многие представители северной интеллигенции, отбывавшие наказание в лагерях на принудительных работах за свою нелояльность к советской власти, получили личную свободу. Были предприня-

ты первые шаги к восстановлению законности и правопорядка.

В 1922–1923 годах в северных губерниях была проведена судебная реформа, введен институт прокуратуры и адвокатуры. Смягчались формы наказания за проступки, классифицируемые как политические преступления. При определении меры пресечения противоправных действий предпочтение стали отдавать наказаниям без содержания под стражей. Следует признать, что число лиц, необоснованно репрессированных, среди северной интеллигенции в годы нэпа было минимальным. Так в Архангельской губернии за 1921–1927 годы жертвами необоснованных политических репрессий стали всего 56 представителей интеллектуального труда¹¹.

Постепенно уходят в прошлое принудительные методы вовлечения интеллигенции в созидательный процесс. Постановлениями исполкомов северных губерний была отменена обязательная трудовая повинность. Интеллигенция получила право на свободный выбор сферы приложения своих интеллектуальных способностей.

Возросла доля участия интеллигенции в деятельности реально значимых хозяйственных структур. Для изучения хозяйственного состояния предприятий и подготовки конкретных предложений по реорганизации промышленности при всех северных губернских советах народного хозяйства были созданы экономические совещания с участием интеллигенции. Практически ежегодно стали созываться съезды советских служащих, педагогов, специалистов сельского хозяйства, медиков, судебных работников, где обсуждались проблемы и перспективы социально-экономического развития края.

Вместе с тем в первые годы нэпа, особенно в 1921–1924 годах, на Европейском Севере по сравнению с центральными районами страны политика контроля, прессинга, принуждения интеллигенции к сотрудничеству, пусть и второстепенными средствами, существенно преобладала над мягкими методами воз-

действия на нее. Северные чиновники еще не успели овладеть новыми приемами работы с интеллигенцией, поэтому сказывалась укоренившаяся привычка добиваться исполнения желаемого старыми командно-административными способами. Кроме того, в условиях развала экономики и дефицита средств на Севере не срабатывали механизмы материального стимулирования интеллигенции к труду. Мобилизовать интеллигенцию к культуротворческой деятельности мешали фактор недоверия к ней и сильные «антиспецовские» настроения, наблюдавшиеся как среди представителей властных структур, так и среди населения региона. Использование более жестких методов воздействия было вызвано также тем, что после отмены принудительно-мобилизационных мер началось интенсивное перемещение интеллигенции из менее престижных и менее оплачиваемых структур в более привлекательные с точки зрения оплаты и личного самоутверждения сферы. Участились случаи отъезда интеллигенции из холодного, голодного, необустроенного края. Наконец, среди северных управленцев был особенно велик страх идейно-политического изменения существующего режима. Как было отмечено выше, более отчетливо он проявлялся среди коммунистов и чиновников Архангельской и Мурманской губерний. Советская власть здесь окончательно утвердилась только в феврале—марте 1920 года, после ликвидации белого Северного фронта, поэтому опасения по поводу возможной утраты политических позиций постоянно подталкивали представителей местных органов управления к применению превентивно-охранительных мер.

В частности, в 1921–1922 годах на территории Европейского Севера по-прежнему сохранялись принудительные мобилизации интеллигенции на ударные объекты, продолжалась практика прикрепления их к рабочим местам. Весной—летом 1921 года Архангельским губисполкомом были приняты обязательные постановления о мобилизации

мастеров, чертежников, инженеров, специалистов, работавших на лесопильных заводах. В 1922 году в Вологодской и Северо-Двинской губерниях был организован учет и перерегистрация специалистов-сплавщиков, агрономов, землемеров, зубных врачей и техников. Неоднократно поднимался вопрос о прикреплении к рабочим местам учителей, о принудительном возвращении в школы педагогов, работающих не по специальности¹².

В условиях серьезных опасений по поводу идейной трансформации существующего режима местные органы управления придавали особое значение отстранению интеллигенции от сферы воздействия на общественное сознание, сохранению и укреплению идейно-политического контроля над ключевыми звеньями управления и ведущими отраслями народного хозяйства.

С этой целью и на основании декрета СНК РСФСР от 16 июня 1922 года была введена политическая цензура на печать. В 1921–1924 годах на Европейском Севере стали систематическими чистки партийно-политических, советских, хозяйственных, образовательных учреждений от «классово-чуждых элементов». В ряды «вычищенных» прежде всех попадали представители интеллигенции, проходящие по официальной статистике либо как служащие, либо как «спецы».

С большим усердием партийные организации Европейского Севера боролись за чистоту своих рядов. Во время чисток 1921–1922 годов удельный вес служащих в Архангельской партийной организации сократился с 39,8% до 7%, в Вологодской и Северо-Двинской губерниях — с 25% до 15%. По гонениям на состоящих в партии служащих и работников умственного труда северные губернии превзошли все регионы России, где количество интеллигенции в партии в ходе чисток сократилось только на 2–3%¹³.

В годы нэпа начинает также оформляться система партийно-политического контроля над приемом и перемещением по службе работников интеллектуально-

го труда. С 1923 года в партийных, советских, хозяйственных и культурных учреждениях была введена номенклатура ответственных должностей, назначение на которые в зависимости от ранга осуществлялось только после утверждения либо учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), либо аналогичными отделами губернских, уездных и волостных комитетов партии. В советских учреждениях к номенклатурным были отнесены все должности — от инструктора до руководителя учреждения. Кроме того, был введен список должностей, при назначении на которые требовалось либо предварительное, либо последующее уведомление региональных партийных комитетов. Например, по тресту «Северолес» предварительное согласование с губкомом партии требовалось даже при определении кандидатур заведующих отделами, а последующее уведомление — при назначении тех или иных лиц на должности секретарей и помощников заведующих отделами. Учетно-распределительные отделы соответствующих партийных комитетов должны были осуществлять постоянный контроль над деятельностью должностных лиц, занимающих номенклатурные должности, собирать всю информацию об их деятельности, деловых качествах и идейно-политическом облике¹⁴.

В реализации соответствующей кадровой политики существенно возросла роль судебно-следственных органов. С 1924 года губернские отделы ГПУ приступили к составлению досье и сбору информации о персоналиях, занимающих должности ответственных работников и специалистов. С этого времени все учреждения и организации лишались права принимать на работу специалистов без предварительного согласования с губернскими отделами ГПУ, которые проводили всестороннюю проверку кандидата на предмет его лояльности советской власти. Для выявления настроений общественности с января 1924 года везде и всюду стал внедряться штат тайных осведомителей¹⁵.

Несмотря на то, что органы управления Европейского Севера не были склонны излишне либеральничать и заигрывать с интеллигенцией, идти ей на уступки, представителям властных структур удалось привлечь северную интеллигенцию к разрешению социально-экономических проблем края. Северная интеллигенция дореволюционного поколения активно включилась в созидательный процесс, составила основу всех профессиональных групп работников умственного труда. Среди традиционных групп интеллигенции ее удельный вес превышал 50–60%.

Весь спектр мотивов, побудивших русскую интеллигенцию отказаться от прямой политической конфронтации режиму и принять позицию компромисса и добровольного сотрудничества с ним, присутствовал в настроениях и северной интеллигенции. Вместе с тем взгляды северной интеллигенции на советскую власть в годы нэпа имели свои отличительные особенности. Работникам интеллектуального труда Севера и ранее не были присущи настроения радикального толка, она всегда тяготела к политической стабильности, была более ориентирована на мирную культуротворческую деятельность. Официально провозглашенные в годы нэпа лозунги о необходимости достижения консенсуса, о сосредоточении усилий на восстановлении культурного и экономического потенциала страны для успешной реализации социальных программ соответствовали личностным установкам северной интеллигенции. И несмотря на то, что в политике местных органов управления «жесткие» меры по отношению к интеллигенции доминировали над «мягкими» методами воздействия, она была готова принять самое активное участие в претворении в жизнь предполагаемых проектов.

Мощным фактором, подтолкнувшим интеллигенцию Архангельской и Мурманской губерний к ревизии своих взглядов по отношению к советской власти, явились события, разыгравшиеся здесь в

годы гражданской войны. Северная интеллигенция не понаслышке, а наяву испытала на себе все последствия политики антибольшевистских правительств, познала истинные причины вмешательства иностранных держав в русские дела. У многих представителей интеллигенции этих губерний, потенциальных союзников и активных участников антисоветского движения, к концу гражданской войны возникло глубокое внутреннее убеждение в большей привлекательности социалистической доктрины и большевистского режима. В частности, исследования, проведенные среди 387 инженерно-технических работников треста «Северолес» в 1923 году, свидетельствуют, что 28% из них стали истинными сторонниками советской власти, и это в два раза больше, чем в среднем по России¹⁶.

Идеи сменовеховства также имели место среди северной интеллигенции. Тем более что именно через Архангельск пролегал путь на родину многих интеллигентов Русского Зарубежья, откликнувшихся на призыв лидеров этого движения. В течение короткого промежутка времени 1921–1922 годов в Россию через Архангельск вернулись 4 тыс. чел. Однако у представителей северной интеллигенции было меньше оснований питать надежду на перерождение существующего режима. Они практически не были допущены к участию в принятии властных решений. Сфера политики и идеологии особенно тщательно оберегалась местными органами управления от влияния интеллигенции. Кроме того, северная интеллигенция рано познала подлинную сущность новой экономической политики и истинное отношение власти к интеллигенции. Только в Архангельской и Вологодской губерниях проживало около 400 политических ссыльных, с которыми, естественно, представители северной интеллигенции имели непосредственные контакты. Наконец, северная интеллигенция воочию увидела отношение власти к реэмигрантам: судьба их была трагична — многие были отправлены в лагерь принудительных работ. Ситуация,

связанная с безальтернативностью власти, скорее заставляла северную интеллигенцию смириться с существующим положением и либо целиком и полностью уйти в сферу профессиональной деятельности и не думать об общественно-политических проблемах, либо занять пассивно-выжидательную позицию. Как свидетельствуют данные исследования специалистов треста «Северолес», о котором было упомянуто выше, более 59% интеллигентов не проявляли враждебности существующему режиму, а 12,7% занимали пассивно-выжидательную позицию¹⁷.

В процессе совместной деятельности, направленной на оживление культурно-хозяйственной жизни региона, постепенной реализации насущных социальных проблем видоизменялся облик и власти, и интеллигенции. Среди работников интеллектуального труда постепенно исчезало настроенно-предвзятое отношение к представителям советских органов. Интеллигенция глубже проникалась мыслью, что у нее с властью единая цель и единое устремление — превратить край в процветающий и экономически развитый регион. В свою очередь, в условиях вынужденной необходимости проявлять инициативу и творчество властные структуры Европейского Севера приобретали практические навыки административно-управленческой деятельности, постигали закономерности экономического развития, начинали лучше понимать повседневные проблемы всех социальных групп, находили пути более эффективного взаимодействия со всеми общественными слоями, укрепляя тем самым свои властные позиции. К середине 20-х годов существенно возросло доверие и взаимопонимание между властью и интеллигенцией Европейского Севера. Как те, так и другие были склонны репродуцировать характерные для начала XX века диалоговые отношения. Представители властных структур были готовы перейти от жестких мер воздействия на интеллигенцию к более мягкой политике по отношению к ней.

В 1925–1926 годах северные чиновники всех уровней констатировали, что интеллигенция в своем преобладающем большинстве встала на сторону советской власти, что она никаких тайных политических замыслов не вынашивает. Во второй половине 20-х годов даже представители властных структур Архангельской и Мурманской губерний, ранее не отличавшиеся особой симпатией к интеллигенции, заговорили о необходимости бережного и внимательного отношения к ней. На этом фоне предпринимаются попытки изменить негативное отношение к интеллигенции со стороны народных масс, создаются условия для самовыражения и творчества интеллигенции, реализуются первые шаги на пути преодоления политического дистанцирования с нею. В частности, в течение короткого промежутка времени все профессиональные группы интеллигенции получили право на создание своих секций в рамках отраслевых профсоюзов. В среднем до 20–25% возрос удельный вес интеллигенции в составе губернских партийных организаций. Расширилась практика привлечения работников интеллектуального труда к деятельности в выборных советских органах. Специалистам, работающим в северных губерниях, были предоставлены некоторые материальные льготы¹⁸.

Однако трактовка социально-политической ситуации в стране, видение путей укрепления взаимодействия власти и общества, выбор средств активизации созидательной деятельности интеллигенции, политика органов управления Европейского Севера в эти годы начинает вступать в определенный диссонанс с директивами центра. Прозвучавшие в 1925–1927 годах с трибун партийно-правительственных съездов, совещаний и конференций мысли о том, что «...подъем производительных сил экономики СССР неминуемо сопровождается частичным нарастанием классовых противоречий», что необходимо усилить политический контроль над обществом, ужесточить борьбу с «классовым врагом», часто вы-

зывали недоумение у представителей местных органов управления. Практически все партийно-государственные деятели северных губерний в эти годы констатировали, что оснований для беспокойства нет, что в условиях Севера «...не может произрастать классовый враг».

В 1925 году Архангельский губком издал специальную брошюру, где отрицалась классовая дифференциация в условиях нэпа. А секретарь Архангельского губкома РКП(б) В. М. Шуняков, вернувшийся с XIV съезда партии, довольно точно охарактеризовал политические веяния центра как «...борьбу за ленинское кресло», за укрепление вертикали власти и проведение ...линии на отсечение меньшинства», т. е. любого проявления инакомыслия¹⁹.

Выражая протест против укрепления вертикали власти, ужесточения политического прессинга на общество и региональные структуры, местные органы управления Европейского Севера часто отстаивали тем самым интересы интеллигенции, ее права и свободы. В защиту интеллигенции руководители Архангельской губернии выразили свое несогласие с изменением порядка выборов в советы, по которому избирательных прав лишались не только бывшие служащие и агенты царской полиции, но и все лица, прямо или косвенно руководящие деятельностью полицейских и карательных органов на территориях, занимавшихся контрреволюционными правительствами. В письме Архангельского губисполкома в адрес ВЦИКа в январе 1927 года высказывалось недоумение по поводу того, «...почему на 10-й годовщине революции понадобилось ограничивать в правах новые категории граждан». Здесь особо подчеркивалось, что многие жители губернии в ряды белой армии были вовлечены либо насильно, либо по решению сельских сходов²⁰.

Неодобрительную оценку получили и директивы центра об усилении репрессивно-карательных мер против «классовых врагов». Резкой критике со стороны представителей властных структур Воло-

годской губернии и ряда советских деятелей Архангельской губернии подверглась резолюция V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции (март 1924 года), по которому за одни и те же преступления выходцы из рабоче-крестьянской среды и лица непролетарского происхождения должны были нести наказания различной тяжести²¹.

Однако в условиях усиления централизаторских тенденций прямого политического нажима на региональные структуры с целью «выпрямления классовой линии», а фактически с целью ликвидации получивших распространение в годы нэпа проявлений самостоятельности и независимости административно-территориальных единиц, представителям властных структур Европейского Севера становилось намного сложнее отстаивать интересы региона и его населения. В конце 1926 — начале 1927 года под видом «недооценки классовой борьбы», «засорения партии и советских учреждений чуждым элементом», «извращенного толкования партийной линии» многие руководители северных губерний были смещены с должности. Ставленники центра спешно «выправляли классовую линию», подводя ее под новые идейно-политические реалии центра. Соответственно политика «мягкой линии» по отношению к интеллигенции, фактически не успев реализоваться, была сведена на нет.

Подводя общий итог вышеизложенному, следует отметить, что в период нэпа, как в центре, так и на Европейском Севере, политика власти по отношению к интеллигенции была чрезвычайно противоречивой. Однако по сравнению с центром, где на начальном этапе нэпа преобладали более мягкие формы воздействия на интеллигенцию, на Севере, и особенно в губерниях, являвшихся в годы гражданской войны зонами антибольшевистского движения, доминировали принудительно-мобилизационные методы. По мере стабилизации социально-экономической ситуации, выявления истинных настроений и побуждений северной ин-

телигенции, обретения опыта хозяйственной деятельности, навыков и умений в плане использования стимулирующих рычагов укрепления общественных связей тяга к сотрудничеству с интеллигенцией, основанному на доверии и взаимопонимании, со стороны работников местных органов управления возросла. Они начинали понимать все преимущества добровольной мотивации интеллигенции в культуротворческой деятельности. Соответственно это нашло выражение в попытках создать более благоприятные условия для творческого самовыражения интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Однако и в центре к сере-

дине 20-х годов подходит к концу период растерянности и теоретических споров по поводу нэпа и политических альтернатив в жизни страны. Начинается реализация курса на укрепление единства в партии, на свертывание «инициативы и творчества регионов», на борьбу с инакомыслием, что обусловило смену приоритетов в политике по отношению к интеллигенции и переход к силовым методам. Централизация и укрепление вертикали власти, политический диктат центра явились серьезным препятствием на пути осуществления идей диалога партийно-государственных деятелей Европейского Севера с интеллигенцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Валентинов Н. В. (Н. Вольский)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С. С. Волк. М., 1991. С. 56.

² В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст. и коммент. И. А. Исаева. М., 1992. С. 215, 285, 348–350; *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в условиях новой экономической политики (1921–1927 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 1991. С. 271.

³ Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991; *Луначарский А. В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924; *Полонский В. П.* Уходящая Русь. Статьи об интеллигенции. 1920–1924 гг. М., 1924.

⁴ *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 55.

⁵ *Рапопорт Ю. М.* Осуществление экономической политики коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917–1925 гг. Л., 1984. С. 65, 91; ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 726. Л. 56; Д. 794. Л. 80; ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 606. Л. 13; ГАМО. Ф. 213. Оп. 2. Д. 1. Л. 40; Д. 27. Л. 75.

⁶ Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. Вологда, 1926. С. 4, 122–129; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 686. Л. 51. ГАМО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.

⁷ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 261. Л. 61, 197; Д. 298. Л. 36.

⁸ Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1981 / Ред. И. А. Наумова, Е. Г. Аушева. Архангельск, 1982. С. 28–30; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 1. Л. 25–26; Д. 3. Л. 55; Д. 317. Л. 16–17.

⁹ *Рапопорт Ю. М.* Осуществление экономической политики коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917–1925 гг. Л., 1984, С. 165.

¹⁰ ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 301а. Л. 11; ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 916. Л. 21.

¹¹ Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. Вологда, 1926. С. 16, 20; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 258. Л. 137–140; Д. 260. Л. 58, 67; Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий: В 3 т. Т. 1 / Отв. ред. Ю. М. Шперлинг. Архангельск, 1999.

¹² ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–15, 194; ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 416. Л. 3–4; Ф. 352. Оп. 1. Д. 292. Л. 51–55.

¹³ *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 160; Очерки истории Мурманской организации КПСС / Под ред. Р. К. Соколова. Мурманск, 1969. С. 77; Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1982 гг. / Под ред. И. А. Наумова, Е. Г. Аушева. Архангельск, 1982. С. 18–23; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 606. Л. 4–11; Оп. 67. Д. 35. Л. 3, 18, 57.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 451. Л. 25, 31, 45–48.

¹⁵ ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 34. Л. 75; Ф. 4097. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

¹⁶ *Рапопорт Ю. М.* Цитир. изд. С. 164.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р. — 5867. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 35. Л. 98; ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 100. Л. 3–5.

¹⁸ ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 794. Л. 262; Д. 941. Л. 329-330; ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 889. Л. 5–6; ГАМО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 34. Л. 16; Д. 102. Л. 80; Д. 239. Л. 141.

¹⁹ Ленин В. И. КПСС об интеллигенции. М., 1979. С. 205; Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск, 2000. С. 36–38; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 669. Л. 44.

²⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 514. Л. 14–15; Д. 906. Л. 12–15, 34–49; Оп. 7. Д. 94. Л. 146.

²¹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–163; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 456. Л. 116–197.

F. Sokolova

AUTHORITIES AND INTELLIGENTSIA OF THE RUSSIA'S EUROPEAN NORTH AT THE TIME OF NEW ECONOMIC POLICY

The article deals with the problems of interrelations between the authorities and intelligentsia in 1921–1927 and their specific character in the Russia's European North. The author defines the reasons why the authorities refused using the military force against the intelligentsia and switched over to the stick and the carrot policy. The author presents the evolution of intelligentsia's views on the Soviet Power at the time of New Economic Policy.